

Красота спасет мир

А.П. Кабанова

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ

Человек преображенный

О выставке И. Анисифорова «Мгновения как откровения»

*Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить.*

М. Волошин

Серебристое сияние, исходящее от картин, в первый момент ослепляет. Бросаясь от одного полотна к другому, я нечаянно натолкнулась на пожилого человека с окладистой бородой (он обратил на себя внимание еще на открытии выставки). Не успев убрать с лица восторженного выражения, прошу извинить мою неловкость и вдруг слышу его странно-раздраженный вопрос: «А где же тут человек?»

— Какой человек? — не поняла я.

— Да тот, которого здесь нет! Главного нет на выставке — человека! — гневно сказал он и, резко повернувшись, пошел на выход.

Аура

Только тут дошел до меня смысл его слов. Кричать вдогонку было неудобно и поздно, но и не ответить на столь несправедливое утверждение было невозможно. И мысленный свой разговор с незнакомцем (а спорить придется не только с ним) я по дороге с выставки начала тоже с вопроса.

— А какого человека вы думали здесь увидеть? Страдающего? Протестующего? Ненавидящего? Или вы ждали обличительно-сатирических портретов наших современников, олицетворяющих собой нынешнюю пошлость, самодовольство, корысть? Их образами, доведенными до брутально-циничного гротеска, с помощью средств массовой информации до предела насыщено и загрязнено наше пространство. Если вы об этом, уважаемый незнакомец, должна с вами согласиться: подобных персонажей на выставке действительно нет. А вот человек в самом высоком смысле этого слова здесь как раз присутствует. С полотен сияет его ищущий, взыскующий вечной истины и красоты духовный мир. Мир человека преображенного. Преображенного утверждением Божественной иерархии Вселенной, сознающего себя не рабом Божьим, а существом, стремящимся быть достойным своего Создателя и Учителей.

А достойным созданием Бога можно стать только через сотворение Добра и Красоты, которые, преображая человека, преобразят и мир. Красота картин этой выставки светом своим облучает присутствующих, зажигает сердца тех, кто ее искал.

Из книги отзывов: «Это то, чего нам так не хватает в потоке повседневности. Картины дарят ощущение чуда». «Потрясен! Наверное, придется пересмотреть многое» (Г. Новиков). «Красота Надземного мира все больше входит в сознание людей» (Хватюк, гор. Артемовск). Таковы впечатления зрителей, побывавших на выставке художника Игоря Анисифорова.

«Любовь небесная»... Это полотно погружает в серебристо-жемчужные волны, что исходят от Богородицы, вставшей на планете Земля, чтобы защитить ее своею Любовью, смыть скопившееся на ней зло и растление. Сияющие эти волны просветляют душу, разливают в ней тишину и покой. И во мне начинают звучать дивные строки Алексея Константиновича Толстого:

*Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.*

Здесь, на картине, лучи Божественной любви нисходят к нам не порознь, а вместе, сияющим покровом окутывая землю. И ты чувствуешь: да, это — Любовь небесная:

*Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной
Единое звено,
И выше восходить в сиянии правды вечной
Нам врозь не суждено.*

Из книги отзывов: «Удивительный мир тишины и гармонии. Впервые вижу звучание образов» (Инна). «Спасибо, что есть такие проводники света, как Вы» (Ркодлова, гор. Абакан, Хакассия).

...Через высокое, узкое окно, сквозь тьму веков светит нам из снежных просторов одноглавая белая церковь — Храм Покрова на Нерли. А над ней в вышине ночного неба огромный светящийся купол — аура дивного творения древнерусских зодчих. «Аура» — так и называется картина. И глядит из нее на нас душа этой церкви, просиявшая над трагической в своих борениях и исканиях историей Руси великой.

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из души, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, иступлений —
Возникнет праведная Русь.
Я за нее за всю молюсь...*

Так я увидела картину «Аура». А стихи М. Волошина, поэта и художника особенно дорогого Игорю Анисифорову, словно подтвердили восприятие этого полотна. И не только этого. Волошин на этой выставке стал для меня одним из путеводителей. Игорь Анисифоров любит цитировать вот эти строки поэта:

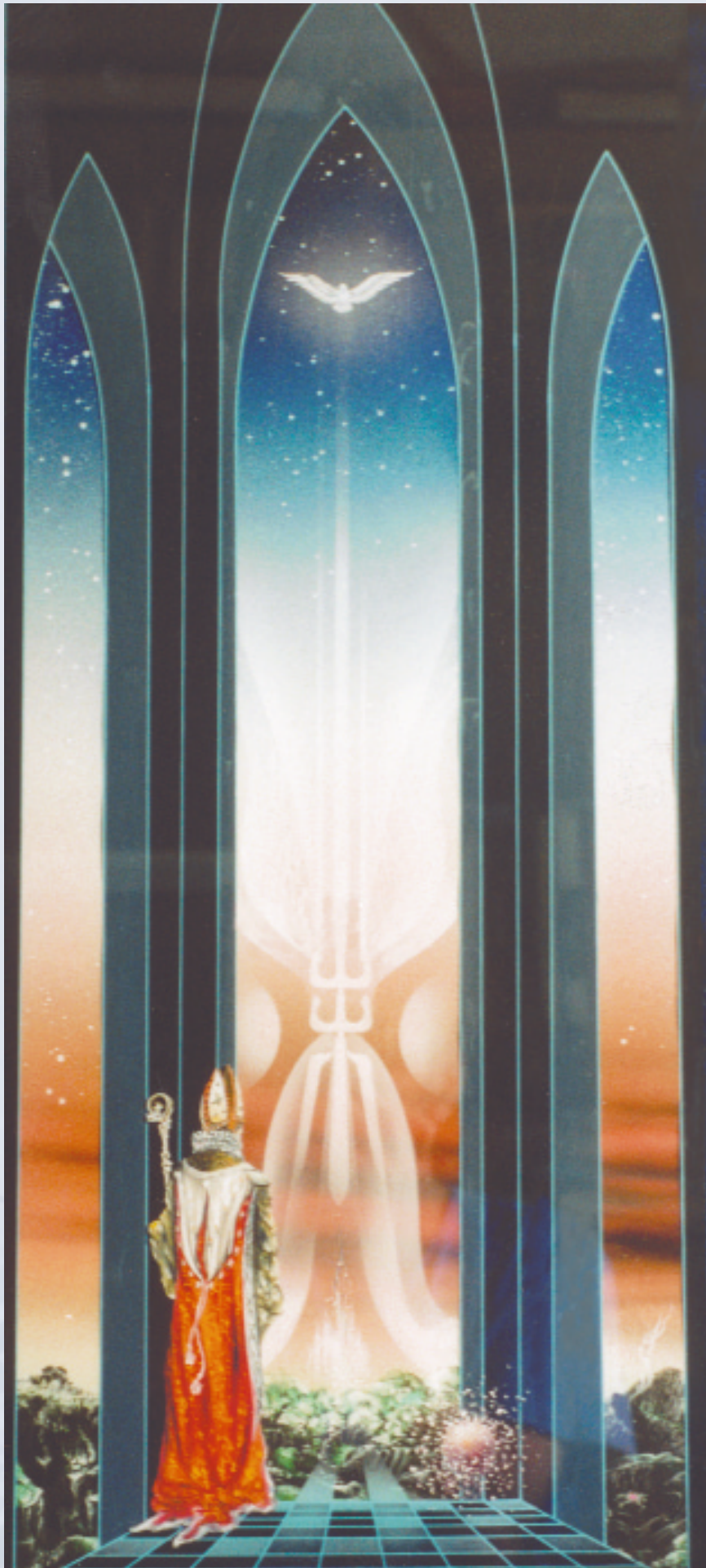
*Я ловлю в мгновения эти,
Как свивается покров,
Со всего, что в звуке, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.*

*Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.*

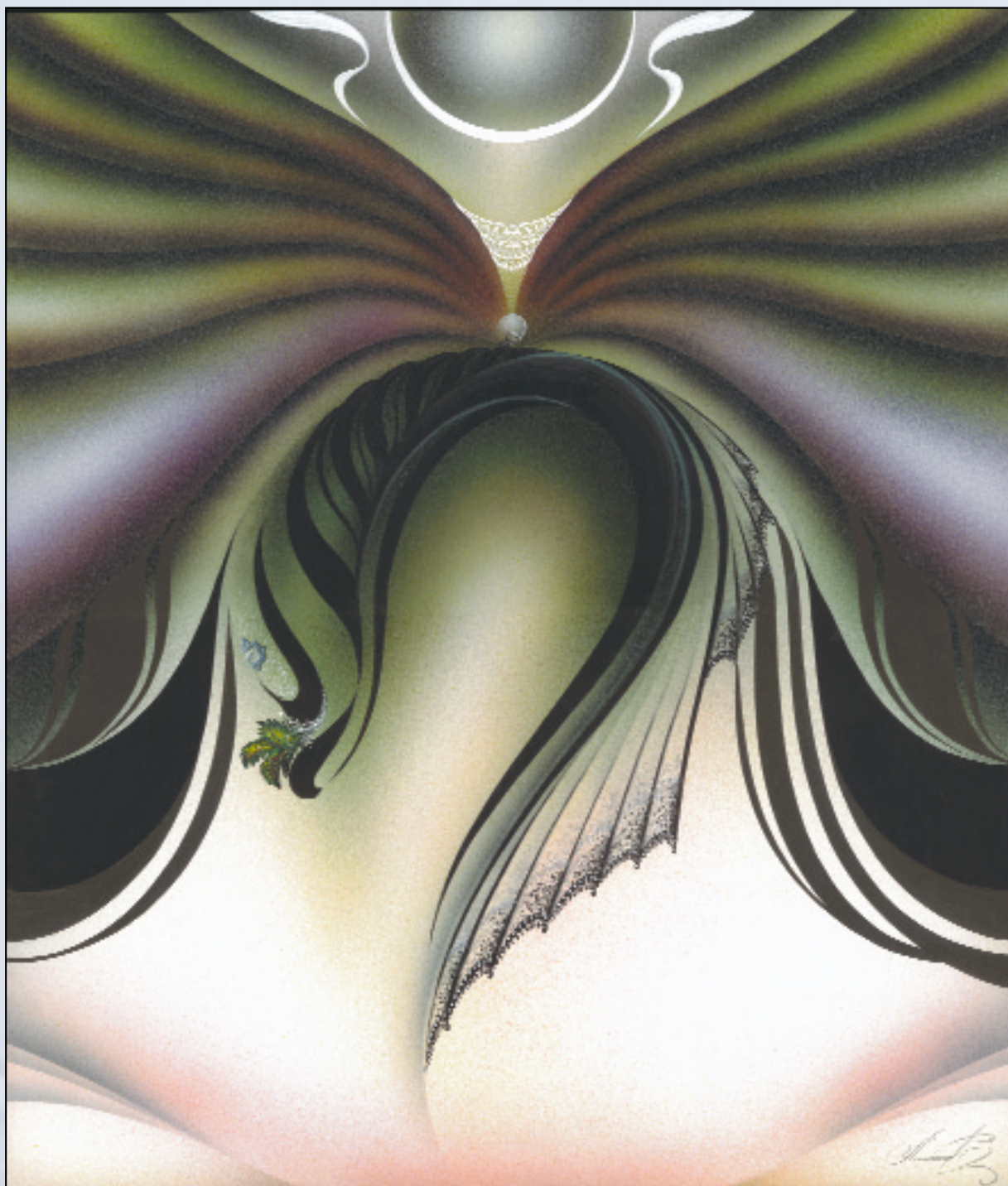
Я понимаю, почему художнику так близки эти стихи: «в мир замкнутых граней», в рамки своих картин Анисифоров вмещает те мгновения, когда открывается ему бесконечность Все-

Покой

Посвященный

Дыхание времени

Предгорье

ленной, беспредельность познания и постижения мира через красоту.

— Игорь Алексеевич, что вы хотите сказать людям своим искусством?

— Больше всего хочу вызвать в них радость открытия, восторг прикосновения к неким тайнам бытия. Вы, наверное, заметили, что многие мои картины раскрываются на довольно широком поле черного цвета?

— Еще бы! Одна из посетительниц выставки в книге отзывов даже спрашивает вас: «Почему так пронзителен в картинах черный цвет?»

— А потому, что вокруг нас бесконечно много непроявленного, непознанного. Черный фон в картинах — это как раз то, что от нас скрыто. Своим рисунком, цветом, ритмом я пытаюсь приоткрыть кусочек того, что мне удалось поймать, увидеть, приподняв темную завесу нашего незнания.

Работая над картиной, я и сам делаю открытия, не столько в технике художественных приемов, сколько по сути. Я ведь не знаю, что в итоге получится, — а закончив работу, вдруг удивляюсь ассоциациям, какие она рождает.

Картина «Посвященный». На черном фоне в проеме высокого готического окна, украшенного витражом, — человек в длинном пурпурном одеянии средних веков. Он стоит спиной, вся его фигура и поза говорят о глубокой задумчивости, устремлении к тому, что он видит впереди. А впереди, меж колонн, открывается голубое пространство, в котором мерцает призрачный силуэт камертона. Он словно измеряет духовную чистоту и высоту тех пространственных вибраций, того звучания, которое приводит в гармонию макро- и микрокосм... Картина «Посвященный» вызывает во мне стойкую ассоциацию с мыслечувствием Алексея Константиновича Толстого, сформулированным в неоконченной поэме «Алхимик».

*...Отдельно взятые черты
Всецельно дышащей природы!
Какая вас связала нить
Одну другой светлей и краше?
Каким законом объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытия,
Неисчерпаемость явления,
В тебе повсюду вижу я
Того же света преломление.
Тот всеобъемлющий закон,
Которым все живет от века,
Он в нас самих, он заключен
Незримо в сердце человека!*

Соприкосновение

*Его любовь, и гнев, и страх,
Его стремления и желания,
Все, что кипит в его делах,
Чем он живет и движет прах, —
Есть та же сила мироздания!*

Сила всеначальной энергии мироздания... Именно ее в самых разных проявлениях стремится познать художник через свое искусство.

— В чем для вас заключается счастье? — спросила я Игоря Алексеевича.

— Счастье для меня — это когда я открываю для себя что-то новое, таинственное. Меня переполняет восхищение, восторг перед красотой тайны, я хочу понять ее, удержать, сохранить ту малую частицу истины, которая мне открылась.

Как тут не вспомнить утверждение Аристотеля: «Познание начинается с удивления». Через удивление пришел художник к своему искусству, к своей главной теме, к тем открытиям, что сформировали его неповторимый стиль, отточили мысль, какую он выражает в своих образах-символах. Возможно, эти образы и символы выявили в нем еще один талант — музыкальный. Он не знает нотной грамоты, но на синтезаторе ищет звуковые сочетания, родственные тому, что рождается на его картинах.

А начиналось все так. В семидесятые годы воображение тридцатилетнего Игоря, работающего на заводе, отслужившего в армии, поразила тайна летающих тарелок — уфология. До этого он рисовал, в основном для себя, ландшафтные пей-

зажи, а тут разбуженная мысль и фантазия толкнули к совсем другой теме. Техническое образование дисциплинировало интеллект, помогло выработать особые приемы. Чистоту рисунка, точность привыкшей к ватману руки, лаконизм цветовых соотношений, завершенность образа до символического звучания — все это с восхищением отмечает зритель.

Звезда

Из книги отзывов. «Впервые вижу такое изображение мысли. Оно вырывает из обычной жизни» (Дарья). «Когда я вошла в этот зал, я забыла обо всем на свете. Я тоже рисую, но даже не представляла, что можно так рисовать. Спасибо!» (Москва, МГУ). «Хотелось бы иметь для работы хотя бы репродукции ваших картин. Я уверен, они бы помогли многим моим пациентам» (Врач-психотерапевт). «Вчера отстояла час в очереди на выставку Клода Моне. Но ваши картины мне больше нравятся» (Марина). «Мощная энергетика, зовущая ввысь, исходит от ваших картин» (семья Коломийцевых). И вдруг среди восторженно-благодарных записей вот такая:

«...У Вас смутные представления о Боге, мироздании, искуплении, кото-

рые не имеют ничего общего с православной верой. Просмотр ваших картин наносит ни с чем не сравнимый урон душам, особенно молодежи. Находясь в заблуждении, вы вводите в него восприимчивую публику. Это — бесчеловечно!» (без подписи).

Вот оно как, оказывается! Красота, что рождает в человеке самые высокие чувства, устремляет

мысль к познанию Бога, мира, себя в нем, — бесчеловечна! Значит, художник, всем сердцем взыскающий духовного света, не имеет права обращаться в творчестве к Богу только потому, что создает свои полотна не по канонам иконописи? А как тогда быть с Рафаэлем, Леонардо да Винчи, Боттичелли, которые писали Святую Деву Марию для храмов не по нормам церковной догматики, а по законам красоты и сердца? По логике зрителя, апеллирующего к христианству, прав был Савонарола, сжигая шедевры итальянских мастеров, какие, по его мнению, соблазняли людей своей красотой. А ведь эти шедевры уже не один век хранят народы многих стран как бесценные сокровища творческого духа!

Насколько мне известно, Православная церковь, которую я очень уважаю, не запрещает буддистам, мусульманам, что во множестве живут на земле России, выражать свою любовь к Высшим силам так, как велит им сердце. Вот и здесь на картинах, выставленных в залах МЦР, художник прославляет Божественные силы, как говорит ему сердце. И люди благодарят его за это!

Из книги отзывов. «Душа возносится, когда глядишь на ваши картины. Приезжайте к нам в Петербург». «Хрустальный звон ваших картин очищает и возвышает дух». «Когда просыпается сердце, то приходит в жизнь все лучшее, что накоплено в прошлых воплощениях. Не берите к сердцу критикующих вас. — Эта запись сделана сразу же после отзыва, претендующего на православную оценку. И дальше зрительница продолжает: — Каждый из нас видит и чувствует на своем уровне, а до Вашего многие не доросли» (Н.И. Пряхина).

Так оценивают творчество Игоря Анисифорова зрители. И наверное, узнав, что до такого уровня в своем искусстве он поднялся сам, эти люди будут еще больше уважать художника. В детстве Игорь пытался ходить в художественную школу, но жесткость требований пугала мальчика, вырабатывая в нем комплекс неполноценности. Инстинкт толкнул его уйти из школы. Он начал рисовать сам, сам искал, экспериментировал, и, как видите, это дало свои плоды.

Известный советский педагог и писатель Василий Сухомлинский сказал: «Человек таков, каково его представление о счастье». Для Игоря Алексеевича счастье — это радость узнавания мира. Художник похож на большого ребенка не только способностью удивляться, но и простой, непосредственностью в общении, улыбкой. Это делает его личность особенно притягательной, а творчеству его хочется верить еще больше. По словам французского писателя Ларошфуко,

автора знаменитых «Максим», «искренность — очарование сердца. Таким качеством обладают очень немногие».

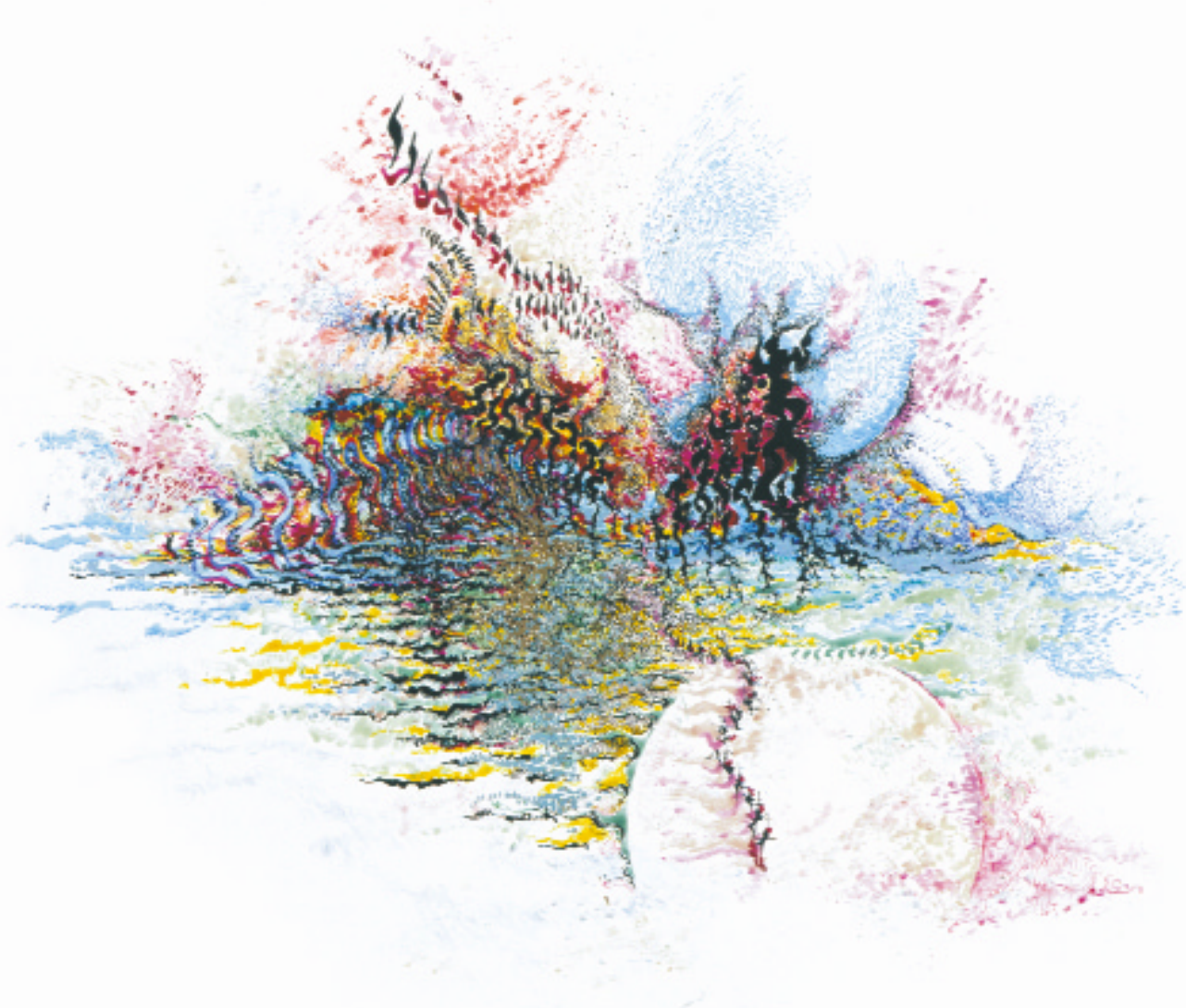
Возможно, душевные свойства да и талант художник унаследовал в какой-то мере через родство с Евгением Багратионовичем Вахтанговым. Его прабабушка — родная сестра Багратиона Сергеевича Вахтангова, отца великого режиссера. А бабушка, между прочим, через свою кухню породнилась с одним из кузенов Чехова... Но сам Игорь Алексеевич говорить о семейно-родственных связях категорически не хочет, считает, что творчеством должен оправдать свои корни. Надеюсь, он уже начинает это осуществлять.

Закончить очерк об Игоре Анисифорове я хотела бы фрагментами стихотворения А.К. Толстого «Против течения». Художник в своем творчестве всегда идет против рутинного течения, которое мешает одухотворенному, возвышенному искусству. Пусть эти пророческие строки станут ему добрым напутствием в его «противотечении», противостоянии обыденному и конечному.

*Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтесь натиску нового времени!
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения!
Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Так же пленяет нас песнь соловьиная,
Так же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!
Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верю в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!*

Летящее в бесконечность

О выставке Фридона Асланяна «В поисках цветка жизни»

Я всегда считал, что Откровение не что иное, как открытие некой стихии в нашей большей сущности, которая знает неведомое нам и ощущает то, чего нам не дано ощутить.
Джебран Халиль Джебран

Знакомство с художником Фридоном Асланяном и его творчеством стало для меня не просто событием. Дело в том, что на выставке с написанного им портрета глянули мне прямо в сердце живые глаза дорогого, но ушедшего уже человека. Человека, в некий «момент истины» приоткрывшего мне талант и душу армянского народа, высокий смысл настоящего искусства. Человека, с которым я не могла не почувствовать духовного родства. Речь идет о замечательном скульпторе из США Хорене Тер-Арутяне. В 1987 году я работала над очерком о его творческом подвиге и трагической судьбе. И вот оказалось, что Варпет — Мастер,

Маэстро, так называли скульптора в Армении, — и для Асланяна был другом, учителем, мало того, Фридон создал дом-музей Хорена Тер-Арутяна в Ереване.

Можете себе представить, что я испытала, глядя в мудрые, всепроникающие глаза Варпета, словно говорившего мне: «Я рад нашей новой встрече, тому, что ты узнаешь теперь и моего друга — еще одного замечательного сына Армении».

Что это, как не поручение? Поручение поведать вам, дорогие читатели, о чем-то очень важном в дни, когда это особенно необходимо, когда мутный вал «попсы» пытается затопить ту часть земного

шара, которая еще десять лет назад была нашей общей Родиной.

Итак, Фридон Асланян. Известный архитектор, построивший в Армении и в России не одно прекрасное здание, а целые комплексы. Дизайнер, мастер интерьера и, главное, художник, по многомерности своих исканий и проявлений таланта сопоставимый разве что с универсальностью деятелей Итальянского Возрождения.

И ведь что удивительно! Начиная жизненный путь, он не собирался быть ни архитектором, ни тем более художником и очень скромно оценивал

новый факультет ереванского Политехнического института, поступая в который нужно было сдавать экзамен по рисунку и не нужно — по химии.

Вот здесь-то и вошел в жизнь юноши его величество случай в лице Веик Джалаловны Тер-Григорян, которую Фридон считает своей духовной матерью. Веик Тер-Григорян, художница, ученица Лансере и Татевосяна, преподавала на архитектурном факультете, но обычно просматривала и экзаменационные работы абитуриентов строительного факультета, стараясь не пропустить наиболее талантливых. И Фридону она сказала: «Вам, молодой че-

Портрет Хорена Тер-Арутяна

свои возможности. Вот отец — другое дело, действительно талантлив, считал Фридон, настоящий самородок! Не имея инженерного образования, руководил целым предприятием, создавал станки. А сколько удивительных вещей в доме сделано золотыми его руками! Да и рисовал он здорово! Сам же Фридон, оформляя школьные стенгазеты, рисуя плакаты, шаржи на одноклассников, не считал, что обладает какими-то особыми способностями. Мало ли людей рисует! Его вполне устраивал строитель-

любок, нужно учиться не на инженера-строителя, а на архитектора».

Так был определен путь юноши, не подозревавшего о своем даровании. Как архитектор он сполна оправдал надежды своей наставницы, воплотив в жизнь крупномасштабный проект зоны отдыха в Ереване, мемориал выдающегося астрофизика В.А. Амбарцумяна в Бюрокане, градостроительный проект площади Октябрьской Революции в Брянске, комплекс ресторана «Армения» и мага-

зина «Арарат» в Мордовии. Он оформил памятник архитектуры XVIII века — Лазаревский институт в Москве, сделал обмеры древнего Гондзасарского монастыря в Карабахе. Созданная им студия «Асланян» осуществила под его руководством много популярных проектов в столице и других городах Армении. Не правда ли, впечатляющий результат прожитых 63 лет? Но оказывается, это лишь часть созданного. И тут приходят на память строки великого поэта Армении Ованеса Туманяна:

*Куда ты стремишься безумно, душа?
За тысячью дел ты стремишься, душа!
Но как же поспею я в тысячу мест
С твоею поспешностью легкой, душа?*

«Поспешность души» Фридона Асланяна не просто легка, но и удивительно плодотворна. Она позволяет ему не только осуществлять многотрудные архитектурные проекты, украшать и застраивать наши города, но и внутренним взором художника заглядывать за пределы земной жизни, в некие иные измерения. Ну как, рассказывая об этом, не обратиться снова к Ованесу Туманяну:

*В котором же мире больше добра у меня — в
этом или в том?
Стою между ними, думаю долго я: в этом или
в том?
Сам Бог в размышлении, что ему делать со
мною, как ему быть?
Оставить, призвать ли? В мире котором добро —
в этом или в том?*

Когда Фридону было двадцать лет, он трижды во время операции впадал в состояние клинической смерти, пролетая по известному тоннелю, соединяющему плотный и тонкий миры. Пережив это, Фридон удивился, насколько примитивным и плоским оказался атеизм, в каком воспитывалось не одно поколение советских людей того времени. Правда, его мать никогда не была атеисткой и всячески поддерживала в сыне страстное желание постичь Бога. Юноша теперь уже всем своим существом ощущал присутствие в этом мире неких Высших сил, о чем столь тонко и проникновенно писал великий армянский поэт:

*Дыхание Бога вдыхаю: он дышит во всем,
Призыв его слышу и голос: он слышен во всем.
И я возвышаюсь, внимая, и ловит мой дух
Мелодию мира и шепот — он слышен во всем.*

Духовная жажда томила Фридона, пока наконец не обрел он источник, к какому можно было припасть. Источником этим стала для него индийская философия. Позже огромную роль сыграли в его жизни книги «Рамакришна» и «Вивекананда» Романа Роллана.

Все это на протяжении многих лет постепенно наполняло мир Фридона Асланяна новыми красками и образами, выводя его из жестких рамок архитектурных правил и расчетов на простор чисто художественного освоения мира. Поначалу была гра-

фика. Тут особое место занимал портрет. Художник находил новые, неожиданные выразительные средства, — например, делал портреты с помощью штампов и печаток, самых разных, прямых, круглых, квадратных, в зависимости от образа, который хотел запечатлеть. Я присутствовала при создании портрета таким неординарным способом. Двадцать минут поразительной творческой концентрации — и художник завершил работу, поразив зрителей точной передачей не только внешности, но и сути характера. Помните известные строки Н. Заболоцкого:

*Любите живопись, поэты,
Лишь ей единственной дано
Души таинственной приметы
Переносить на полотно...*

В графике Фридона Асланяна «души таинственной приметы», перенесенные на картон, поражают значительностью образов, глубиной проникновения в потаенный мир человека. Портрет трагически погибшего художника Минаса Аветисяна некоторые зрители сравнивают с образом Христа — такой постигающей мир скорбью, человечностью полон взгляд Минаса. А с портрета Хорена Тер-Арутяна, о котором мы говорили вначале, смотрит на нас великий художник — мудрец с душой незащитного ребенка. Эти портреты тоже выполнены в нетрадиционной технике: художник как бы лепит лицо на картоне битумом, снимая затем резцом, как скульптор, лишнюю краску.

Такие портреты создаются не только на пике высокого мастерства, но и на гребне духовно-творческого взлета, который принято называть вдохновением. А вдохновение, по мысли прекрасного писателя Фазиля Искандера, «это состояние одержимости истиной». Вот что определяет, пожалуй, суть художника и человека Фридона Асланяна — «одержимость истиной». Не эту ли истину пытался нащупать юный Фридон, когда искал Бога через индийскую философию, соединяя ее с Христовым учением? Или когда учился концентрировать волю, подчиняя ей свое тело и дух? Наконец, когда с помощью мантр и христианских молитв входил в иное пространственное измерение и уже в состоянии бессознательного творчества создавал живописные картины? Заранее ставил вокруг себя разнообразные краски, клал рядом белый или цветной лист картона и, входя в транс, ловил в пространстве внутренним взором некую проявляющуюся на глазах композицию, стараясь зафиксировать ее на картоне... Такие картины, созданные в измененном состоянии сознания по принципу золотого сечения, математического символа полной гармонии, Фридон Асланян и называет «цветком жизни».

Обратите внимание на такую деталь: как бы вы ни повернули или даже ни перевернули картину этого цикла, и цветовая, и пластическая ее гармония не исчезают, любой поворот обнаруживает в ней все новые и новые смыслы. Художник даже мечтает о специальном приспособлении для того, чтобы картину можно было поворачивать в любую сторону, убеждаясь, что это обогащает ее художест-

венную палитру — картина становится многоликой в зависимости от точки зрения, с какой вы на нее смотрите.

...Все началось в 1989 году под Ленинградом в Пушкино, где Асланян отдыхал и работал в Доме творчества архитекторов. Переполненный петербургскими впечатлениями, гармонией великого города, художник, войдя однажды в состояние высокого вдохновения, стал наносить на картон открывшуюся ему картину, нет, не реальной жизни, а иной, словно проявляющейся из хаоса в некоем пластическом ритме и взаимодействии форм, красок и линий, прямо-таки по принципу синергетики, с моментами бифуркации, раздвоения, разветвления.

Обретя такой способ постижения мира и художнического самовыражения, Ф. Асланян уже не мог без него существовать. Картин становилось все больше, каждая завершена в один сеанс, повторить или что-то изменить в ней уже невозможно, можно только вновь заглянуть за грань трехмерного пространства и запечатлеть новый фрагмент, несущий в себе уже другие сочетания вибропотоков и космических ритмов. Здесь и невидимые нам созидательные процессы планетарных сил, и микрокосм Вселенной. Недаром зрительница-биолог на одной из выставок художника сказала: «Я вижу подобное почти каждый день под микроскопом». Доктор медицинских наук Э.М. Каструбин, анализируя воздействие творчества художника на зрителей, утверждает, что его картины положительно влияют на организм человека. Должна сказать, что и я, хронический гипертоник, не раз фиксировала у себя хорошее давление после посещения выставки «В поисках цветка жизни».

Алексей Константинович Толстой, поэт, особенно любимый Н.К. Рерихом за его способность провидения, писал о природе творчества:

*Тщетно, художник, ты мнишь, что творений
своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку...*

Естественно, художника волнует восприятие его работ зрителями. Он предлагает нам активное со-творчество — додумывать, досказывать эти композиции, находить и выстраивать в них свои формообразования и сюжеты. Что касается меня, то я в его полотнах часто вижу подобие птиц, их крылья подняты вверх, они готовы к взлету или уже парят... А в одной из картин увидела могучую птицу в битве с драконом.

Отметив такие характерные детали, я назвала живопись Фридона Асланяна по-своему — «Летающее в бесконечность». Несомненно, этот прорыв художника в неведомые измерения был для его соотечественников своего рода духовно-энергетической поддержкой. Темной, холодной и голодной зимой 1993 года, когда жители Еревана пришли в филармонию на бесплатное представление оперы чешского композитора Йозефа Матейя «Сорок дней Мусадфа», они увидели на сцене небольшие щиты с картинами Фридона Асланяна, и многие из них наверняка почувствовали, что художник в

трудное для Армении время помогает людям обрести некий «свет в окне».

Теперь Фридон Асланян склонен считать, что ценность прожитой им жизни измеряется теми часами, какие он посвятил своей новой живописи. И хотя он безусловно один из новаторов в этой области, я, зритель и поклонница его творчества, пожалуй, не могу полностью с ним согласиться. Потому что его замечательная графическая серия портретов ничуть не ниже картин, написанных в возвышенном состоянии духа. Я не могу не восхищаться простодушной прелестью его национальных кукол, в создании которых он у себя в Армении также был пионером. Не могу не удивляться плодотворности его работы в архитектуре и дизайне. А какой интерес вызывают его исследования в древнем Гондзасарском монастыре в Карабахе! Ведь это он впервые обнаружил в каменных барельефах фигуры капиторов — строителей монастыря, сидящих в позе «лотоса», что говорит о связях старейшей в мире Армянской церкви с духовными учениями древних цивилизаций. Представляя художника у стен этого монастыря, я словно слышу космические прозрения Ованеса Туманяна:

*Без счета веков впереди или в прошлом... не все
ли равно?
Я был, существую, всегда я пребуду... не все ли
равно?*

«Всегда я пребуду...» Эта мысль пронизывает всякое настоящее искусство. Искусство, о котором можно сказать и словами удивительного ливанского поэта, писателя, философа, художника Джебрана Халиля Джебрана. Правда, его слова посвящены любви, но ведь искусство, творчество не существует вне этого всеобъемлюще-космического чувства. Вот эти слова: «Любовь, которая не всякий миг рождается, всегда умирает». Потому, говоря о своем творчестве, Халиль Джебран называет его «каждодневным воссозданием самого себя». Я привела здесь мысли ливанского поэта не только потому, что они замечательно характеризуют Фридона Асланяна, но и потому, что книгу Джебрана «Пророк» издательство «София» предложило оформить именно Асланяну как художнику, которому близка и философия, и графика этого замечательного деятеля мировой культуры.

По мнению Фридона Асланяна, трансцендентальная живопись станет искусством XXI века. Безусловно, новое направление займет свое законное место среди традиционных видов искусства, тем более что начало уже положено. Любители искусства, что следят за выставочной деятельностью МЦР, уже заметили, что среди художников, экспонировавших здесь свои работы, творчество многих в той или иной степени можно отнести к медитативному или даже трансцендентальному. Это и художница с Кипра С. Люшина-Хараламбус, и Н. Новицкая-Мтацминдели, и Лола Лонли...

Ну, что ж, XXI век уже вступил в свои права, посмотрим, чем он нас порадует.

Светомузыка души

Выставка картин И. Надирадзе и М. Бердзенишвили (Грузия)

Многоголосая гармония красок, музыка души Грузии поселилась на две недели в выставочных залах Международного Центра Рерихов. Этот праздник грузинской культуры подарили нам две удивительные женщины, мать и дочь, — Иза Георгиевна Надирадзе и Мзекала Бердзенишвили. По профессии обе они музыканты. Иза Надирадзе — известный в республике музыковед, преподаватель и журналист, Мзекала Бердзенишвили — пианистка, композитор и тоже преподает музыку и живопись. Иза Георгиевна уже много лет учит детей в музыкально-художественной школе имени Палиашвили одной из самых трудных дисциплин — сольфеджио. С самого детства она почувствовала, что понимать музыку ей помогают краски, пластические ритмы, а живопись удивительно созвучна гармонии и любимым мелодиям. Потому в преподавании сольфеджио она стала совмещать и то и другое. Естественно, что и свою дочь она воспитывала по той же новаторской системе: занимаясь с девочкой музыкой, просила ее эту музыку рисовать. Повзрослев, Мзекала пошла не только в Консерваторию, но и в Академию художеств, чтобы профессионально овладеть тем и другим искусством. Как художница дочь приобрела известность в Грузии раньше матери, участ-

вую сначала в экспозициях детского рисунка, а позже и в профессиональных выставках Москвы, Варшавы, Измира (Турция). Иногда она выставляла свои картины вместе с детскими работами учеников.

А Иза Георгиевна Надирадзе впервые показала свои полотна зрителям только в 1989 году, хотя рисовала всю жизнь, нигде не учась. В тот год, потрясенная тбилискими событиями девятого апреля, она написала целую серию картин, которую так и назвала — «Переживания девятого апреля».

...Белый крест, почти оторвавшийся от основания, неудержимо рвется вверх и, расставаясь с землей, словно кричит и плачет. А нежная зелень весны и жизни, ставшая фоном картины, в неожиданном сочетании с ледящей белизной христианского символа страданий хватает за сердце... «Крест Кошуэти» — названо это полотно. Кошуэти — имя церкви, вблизи которой выступление грузинской молодежи было разогнано ОМОНОм с применением насилия и большими жертвами. 9 апреля 1989 года оставило боль и обиду в сердцах грузинского народа, а в душах русских — стыд, боль и комплекс вины.

Каждое из полотен этого цикла задевает сердца зрителей. На белом фоне — черный, объемный сгусток со стекающим вниз потоком остываю-

щей крови. Сгусток смертельной боли... «Инфаркт», называется полотно. И продолжением этой картины стала другая, «Символ вечной скорби»: длинные черные волосы, почти завесившие юное женское лицо, чуть ниже, на уровне сердца приоткрывают младенческую голову так и не рожденного человека... Рассказывая о трагической составляющей этой выставки, я невольно зацепилась памятью за чьи-то прекрасные строки: *«Любовь уравнивает горе, А тьму всегда преодолевает свет...»*

Мудрая душа Грузии своей добротой и благородством, любовью к родной земле и людям светит с этих полотен так ярко, что перекрывает мрак и горе последних десятилетий еще недавно общей нашей истории.

Когда я спросила Изу Георгиевну, в чем прежде всего она видит красоту мира, она ответила: «В благородстве и доброте». Как тут не вспомнить замечательный афоризм Иосифа Бродского из его Нобелевской лекции: «Эстетика — мать этики». Ведь без Красоты человеческой души самый изощренный ум не имеет смысла. Картины Изы Надирадзе «Дерево жизни» и «Ноосферический пейзаж» развивают тему одухотворенной человеком природы, где золотисто-светящиеся листья деревьев кажутся малыми звездами. «Сейчас многие гово-

И. Надирадзе. Ноосферический пейзаж

И. Надирадзе. Весна

рят о конце света, — сказала художница, — но я этому не верю. У дерева жизни могучие корни, оно должно устоять». Картину «Тайны голубых гор», звучащую для меня словно органной прелюд Баха, художница объяснила так: «Видите, здесь только синий цвет — разные его градации, тона... В «Тайнах голубых гор» мне хотелось показать путь Христа». Завершая рассказ о работах Изы Надирадзе, не могу не согласиться с мнением искусствоведа Элгуджа Амашукели, который пишет, что они требуют «большого внутреннего созерцания, в них глубокая утонченность сочетается с философским решением. Ее твор-

чество — значительный шаг в грузинской художественной культуре».

Философичность и лиризм матери перерастают у ее дочери Мзекалы Бердзенишвили в драматизм и проявляются с темпераментом и экспрессией, свойственными другой личности, другому поколению. Юность Мзекалы совпала с трагическим временем распада Союза, гражданской войной, экономическим и энергетическим кризисом в родной Грузии. Восприятие жизни молодой художницы далеко не безоблачное, об этом выразительно говорит программная картина «Взгляд в жизнь». Полотно и в прямом и в перенос-

ном смысле представляет собой окно в мир. Юное девичье лицо с тревогой и затаенным страхом глядит на нас через стекло и будто спрашивает: «Чего мне ждать от вас, люди? Как мне жить?» Ответом на эти вопросы стали дивные картины из цикла «Любовь». Это та Любовь, о какой говорит великий Руставели: «*Есть любовь высоких духом — отблеск высшего начала, Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало...*»

Вот о такой любви — картины Мзекалы Бердзенишвили. И что удивительно, а может быть, как раз закономерно, символизируют это высокое человеческое чувство у художницы не люди. Слишком низко урони-

ли они этот свой божественный дар, довольствуясь бесчисленными суррогатами, которые навязывает нам сегодня западная поп-культура.

...Две благородные лошадиные головы с мудро-печальными глазами прижались друг к другу с такой нежной преданностью, что пойманное художницей движение этих живых душ можно определить только одним словом — Любовь. Доброта и верность светят нам с картины. А вот другое полотно, раскрывающее многоцветье и красоту этого чувства: бабочка, сама похожая на большой бордово-белый цветок, приникла к голубому созвездию лютиков, к зеленым их стеблям с такой лаской, так гармонично вписалась в яркий узор цветущего лета, что ты понимаешь, какое же это счастье — любовь! Ведь любовь — это всегда полет, творческое раскрепощение духа, простор для устремления. Темперамент, экспрессия, с которой написана картина «Свобода», никого не оставляют равнодушным. Вдохновенно поднята вверх голова вороного коня, наконец-то вдохнувшего в себя аромат цветущих полей, ветер далекого пространства. Неудержимая радость молодой жизни рвется на свободу и торжествующей песней звучит с этого полотна.

В первые дни выставки Мзекала дала в музее МЦР небольшой фортепьянный концерт, исполнив «Венский карнавал» Шумана. И как интересно было после выразительной игры увидеть на ее полотнах грустно-забавный рассказ о веселящейся толпе, о жизни, о людях, открытых красоте мира, и о тех, кто носит маску. Музыка и живопись здесь переливались

друг в друга, взаимообогащаясь новыми красками.

В одном из интервью Святослав Николаевич Рерих высказал актуальную для жесткого нашего времени мысль о том, что, когда человеку трудно, удержать душевное равновесие ему помогает устремление к прекрасному. Именно красота становится в такие моменты

главным стабилизатором и гармонизатором жизни. Подтверждение этой мысли — творческая судьба двух замечательных грузинских художниц, Изы Надирадзе и Мзекалы Бердзенишвили. Полотна, созданные ими, освещают души внутренним добрым светом, дают утешение людям, помогают победить гнев и обрести надежду.

М. Бердзенишвили. Любовь